

А. М. Лидов

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИЕРОТОПИЯ

Книга, предлагаемая вниманию читателей, является продолжением сборника статей «Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси», который увидел свет двумя годами ранее¹. Настоящий сборник также основывается на материалах международного симпозиума, подготовленного Научным Центром восточнохристианской культуры и проведенного совместно с Государственной Третьяковской галереей в июне 2004 г.² Он является частью большой научной программы по изучению содержательных основ восточнохристианской культуры³. Помимо докладов, прозвучавших на симпозиуме, в сборник включен ряд специально подготовленных для него статей.

В основе всего замысла лежит концепция иеротопии, сформулированная автором этого текста в 2001 г. (тогда же был предложен и сам термин, составленный из греческих понятий «иерос» и «топос»)⁴. Создание сакральных пространств рассматривается как особый вид творчества, сравнимый по значению с творчеством литературным,

¹ Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и на Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006.

² Издан сборник тезисов докладов и материалов симпозиума: Иеротопия. Исследование сакральных пространств / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2004.

³ Программа осуществляется Центром восточнохристианской культуры, начиная с 1991 г. В рамках этой программы были проведены международные симпозиумы и изданы тематические сборники статей: Иерусалим в русской культуре / Ред.-сост. А. Баталов, А. Лидов. М., 1994 (англоязычная версия: Jerusalem in Russian Culture / Ed. A. Batalov and A. Lidov. New York—Athens, 2005); Восточнохристианский храм: литургия и искусство / Ред.-сост. А. М. Лидов. СПб., 1994; Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996; Иконостас: происхождение — развитие — символика / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000; Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003.

⁴ Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и на Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006.

изобразительным или музыкальным. Речь идет не о феноменологии священного и не о мистическом откровении, а о вполне конкретной деятельности по созданию пространственных образов и среды общения человека с высшим миром. Эта деятельность, рассмотренная исторически как совокупность разнообразных проектов, может составить новый раздел истории культуры. Ранее отсутствие особого термина-понятия не позволяло закрепить в научном сознании существование целого пласта явлений и исторических источников, которые лишь по касательной затрагивались в истории искусства, археологии, антропологии и религиоведении. Оценивая важность иеротопии, необходимо отметить ее особое значение для искусствоведения, поскольку речь идет о художественном творчестве, состоявшем в создании образов сакральных пространств. В этой пространственной образности в единое целое были сплетены архитектурные формы и священные изображения, литургическая утварь и обрядовые жесты, драматургия света и организация запахов, звучащее слово и воспоминания о произошедших на этом месте чудесах и знаковых событиях.

Если в первой книге «Иеротопия» внимание было сфокусировано на византийско-древнерусской проблематике, то вторая посвящена сравнительным исследованиям. Представляется очевидным, что проблему иеротопии невозможно ограничить византийской традицией. Не только средневековая, но и вся история религиозной культуры разных стран с древних времен полна иеротопических проектов, которые могут и должны стать предметом сравнительных исследований. В настоящем сборнике российские и зарубежные исследователи демонстрируют, что иеротопическая теория может быть применена для анализа разнообразных исторических явлений, от Древнего Египта до новейшего искусства, включая и русскую классическую литературу XIX века. Так статьи М. А. Чегодаева, Л. И. Акимовой, А. В. Подосинова, М. Баркер посвящены древней дохристианской традиции создания сакральных пространств, в которой выявляются как достаточно очевидные, так и совершенно неожиданные аспекты.

Михаил Чегодаев убедительно показывает, что древнеегипетский саркофаг являлся своего рода иеротопическим проектом, в котором предмет и пространство составляли неразрывное целое, а вся образная система воплощала тему пути в Царство мертвых. Ключевую роль в этой пространственной образности играли сакральные иероглифические тексты, покрывавшие всю поверхность саркофага.

В центре внимания Людмилы Акимовой — важнейший древнегреческий обряд «Великих Панафиней», смысл которого состоял в превращении Афин в огромное сакральное пространство. В создании

этой важнейшей священной среды в той или иной форме принимало участие все население города. Ею определялась как сакральная топография, так и материальная архитектура Афин; она была своего рода первоисточником духовной и художественной жизни. Один из наиболее интересных аспектов афинской иеротопии — взаимоотношение пространства и времени, подчинявшихся общим законам и представлявших собой центрическую и иерархическую структуру. Работа Л. И. Акимовой закладывает основу будущего сравнительного изучения древнегреческой, средневековой, византийской и западно-европейской иеротопии.

Для понимания явлений средневековой иеротопии принципиальное значение имеет и исследование Александра Подосинова, посвященное анализу роли, которую в античном сакральном пространстве играло движение «по солнцу» или «против солнца», тесно связанное с погребальным культом. При этом высказывается убедительная гипотеза, что основой для христианских литургических обрядов, в том числе и для определения направления движения вокруг алтаря и храма, послужили древние парадигмы, которые не раз становились темой ожесточенных богословских споров.

Связь с последующей христианской традицией легко обнаружить и у Маргарет Баркер, систематизирующей символические смыслы запахов и каждений в Ветхозаветном Храме. Анализируемые автором сакральные тексты легли в основу многовековой христианской культовой практики, когда при помощи благовоний создавался образ божественного присутствия в священной среде.

Ряд статей сборника объединяет интерес к христианской иконографии, которая переосмысливается в иеротопическом ключе как отражение пространственной образности. Материалом исследования Жаклин Тюрк являются магические амулеты доиконоборческой эпохи, которые разрушают привычные представления о картинной плоскости, активно действуя в пространстве между зрителем и изображением на предмете. Исследователь справедливо полагает, что иеротопия — в значительной степени психологический феномен, предполагающий определенный тип восприятия пространственного образа. Анализ магических амулетов позволяет лучше понять особенности и функцию ранних христианских икон, являвшихся частью иеротопического замысла.

Ограниченность иконографических подходов в исследовании пространственных образов убедительно продемонстрирована Алексеем Лидовым, показавшим необходимость разработки в связи с этим новых понятий, одно из которых автор назвал «образ-парадигма». Речь идет о видимом образе, не предполагавшем изображение на плоскости и возникавшем в сознании подготовленного зрителя как своего рода

видение — узнаваемый, но принципиально не формализованный иконоический образ. В статье рассматривается важнейший образ-парадигма «благословенного града» Эдессы, возникавший у входа в христианские сакральные пространства и соединявший в одно целое представления о Нерукотворном Образе Христа, Его Письме царю Авгарю и Святым Вратах.

Пространственные аспекты христианской иконографии рассматриваются и в статье Томаса Дейла, который вступает в методологический диалог с концепцией «икон в пространстве», предложенной в классической работе О. Демуса «Византийская мозаичная декорация». На примере анализа мозаик XIII в. в венецианском Сан Марко автор показывает, как в иконографии находит отражение актуальная молитвенная практика, предполагающая разработанную последовательность жестов и движений. Это же касается современных мозаикам торжественных ритуалов. Тем самым возникает новый сюжет воспроизведения реального пространства в иконах. Примечательно, что данное явление позволяет заметить преодоление некой границы между собственно византийской и западно-европейской католической традицией, движение в сторону разрушения иеротопических моделей, превращение иконоического образа в иллюстрирующее повествование.

Статья Т. Дейла напоминает, насколько важным и плодотворным может быть сравнительное исследование византийской и западно-европейской иеротопии. Речь идет о постепенном формировании двух принципиально разных типов представления и восприятия пространственных образов. Несколько упрощая суть явлений, мы можем говорить о доминирующем иконоическом или нарративном подходе к интерпретации пространств. Развитие западноевропейского повествовательного подхода постепенно приводит к отказу от базовых иеротопических ценностей и подмене понятий в культуре Нового времени. Этому сюжету посвящена статья М. Н. Соколова, который рассматривает важнейшее явление сакрализации эстетического в эпоху Возрождения и в более поздней европейской традиции. Прекрасное объявляется священным, а собственно сакральное последовательно вытесняется из сферы духовного. Возникает своего рода псевдо-иеротопия, хорошо нам знакомая по празднествам, демонстрациям и иным новым и новейшим обрядам. При этом используются архетипы и формальные структуры древней иеротопии, которые наполняются совершенно иным смыслом. Существенно, что все мы, через унаследованную систему новоевропейского образования и культурных ценностей, так или иначе воспитаны на «псевдо-иеротопии» Нового времени.

Конечно, реальный исторический процесс был более сложным, чем нарисованная нами схема. Традиции средневекового моделирования

сакральные пространства сохранялись еще в Европе XVII века. Яркий пример этого представлен в статье Джейн Гарнет и Джервейса Россера, исследовавших роль конкретного итальянского чудотворного образа в формировании окружающего его сакрального пространства.

Очень важный аспект сравнительной иеротопии — сопоставительное изучение методологических подходов искусствоведения и этнологии. Возникающие в процессе такого сравнения проблемы рассматриваются в статьях Ф. Пеллици, П. Р. Гамзатовой и А. Б. Мороза. Франческо Пеллици обнаруживает истоки любой иеротопии, а равно и человеческой культуры в целом, в древнейшем культе мертвых. Автор остроумно показывает, как архаические парадигмы ре-интерпретируются в современной музейной культуре.

Работа Патимат Гамзатовой посвящена роли восточного, преимущественно исламского, ковра в создании сакральных пространств. Важно, что ковер изначально мыслился как модель священного мира, устроенная по законам иеротопии. Один из интереснейших сюжетов исследования — анализ роли восточного ковра в картинах эпохи Возрождения, где с помощью ковров маркируются особенно важные сакральные зоны.

Статья Андрея Мороза посвящена взаимоотношению понятий о «святом» и «страшном» в народной культуре. Основываясь на полевых этнографических исследованиях Русского Севера, автор показывает, что в народной среде святые места могут находиться в соотношении со страшными. Последние считаются таковыми вследствие проявления в них потустороннего начала, воспринимаемого как источник опасности и разрушения. В большинстве случаев такое начало не конкретизируется, однако особенно интересно, что иногда одно и то же сакральное пространство воспринимается одновременно как святое и страшное.

Явления русской иеротопии анализируются также в статьях Л. А. Беляева, Е. И. Кириченко и К. Бланк. Тема Леонида Беляева — национальные традиции в христианской иеротопии. Его главный сюжет — временные сакральные пространства, которые создавались при помощи ледяной архитектуры на январский праздник Богоявления (Крещения). Речь идет о специфически русской иеротопии, которая по климатическим причинам не могла существовать в других православных странах, например, в Греции или Грузии. Интересно, что для реконструкции многовековой и повсеместной, но практически не отраженной в письменных источниках практики Богоявленской иеротопии автор использует повесть А. П. Чехова, которая неожиданно становится важнейшим историческим свидетельством. Для будущих исследований, посвященных сравнительной иеротопии, чрезвычайно перспективным представляется вопрос об адаптации высоких византийских образцов к

региональным, а также народным традициям создания сакральных пространств. Как и в случае с исследованием иконописи, выделение «столичного» прототипа позволяет увидеть наиболее характерные и исторически важные местные черты.

Работа Е. И. Кириченко посвящена теме содержательного единства русского сакрального пространства, нашедшего отражение в общих структурах пространственной организации храма и города. Автор доказывает, что русский город нового времени во многом наследует средневековую пространственную образность, традиции которой существенно отличаются от католической традиции храмоводательства и градостроительства. Речь идет о глубинных структурно важных отличиях двух христианских традиций, которые, в частности, нашли свое отражение в принципиально различных формах крестного знамени, что, в свою очередь, было связано с разными представлениями о сакральном пространстве.

Метод сравнительной иеротопии может быть применен не только к сакральной топографии, монументальным программам или отдельным произведениям искусства, но и к литературным текстам, поскольку писатели при помощи слова моделируют свои, зачастую весьма необычные, сакральные пространства. Новаторская для филологии статья Ксаны Бланк демонстрирует возможности иеротопического подхода при анализе творчества Достоевского и Толстого, которые принципиально создавали свой мир священного вне границ традиционной церкви. Примечательно, что новый интерес русской культуры XIX века к моделированию сакральных пространств нашел свое отражение как в глобальных неовизантийских программах, так и в мистических поисках русских философов, в том числе в текстах Владимира Соловьева.

Последняя статья сборника посвящена новейшему искусству. Николетта Исар применяет иеротопический подход для исследования современных перформансов и мультимедийных инсталляций. Замечательно, что попытки создания новых сакральных пространств постепенно становятся одним из основных направлений актуального искусства. Это позволяет говорить о наблюдающемся возрождении иеротопического творчества как формы духовной жизни и художественной культуры.

Естественно, не все важные темы сравнительной иеротопии были затронуты в статьях настоящего сборника. Автору данного текста уже приходилось писать о наиболее перспективных направлениях будущих исследований⁵. Справедливо поставить вопрос о разных слоях или уровнях, существующих в каждом сакральном пространстве. Можно

⁵ Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств..., с. 24.

выявить архетипический пласт, который является общим для всех традиций. Например, архетип Святой Горы, неизменно присутствующий в самых разных культурах. Можно поставить вопрос об иеротопических группах, как это сделано для языковых семей. И выделение проблематики индоевропейской традиции в создании сакральных пространств представляется вполне плодотворной задачей. По крайней мере, существование такой традиции позволяет понять феномен точно повторяющейся структуры пространства в индуистских и христианских храмах, что не может быть объяснено просто историческими заимствованиями. Не менее важен вопрос о религиозных моделях создания сакральных пространств. Исламский подход к сакральным пространствам существенно отличается от христианского, хотя при сравнении с буддийской или синтоистской традицией отчетливо проступают общие «авраамические», восходящие к иудаизму черты.

Исследование этих и многих других сюжетов представляется делом будущего. Цель сборника, посвященного проблемам сравнительной иеротопии, — не подведение итогов; это, скорее, первый шаг и открытие нового поля научных разысканий. Однако некоторые результаты видны уже сейчас: убедительно показано, как с помощью иеротопии может быть обновлена методология искусствоведения, обнаружены новые сюжеты и исторические источники, ранее ускользавшие от внимания исследователей.

Alexei Lidov

THE COMPARATIVE HIEROTOPY

This book is the second part of the collection of articles “Hierotopy. The Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia” published two years earlier¹. The present volume is also based on the proceedings of the international symposium organized by the Research Centre for Eastern Christian Culture with the participation of the State Tretyakov Gallery (Moscow, June 2004)². The book is a part of an extensive research agenda in basic sacred phenomena of the Eastern Christian world³. The papers delivered at the symposium were supplemented with several articles specially prepared for this collection.

The collection is based on the concept of *hierotopy* — a new term combining two Greek roots: ‘*hieros*’ (sacred) and ‘*topos*’ (place, space, notion). According to the theory proposed by myself in 2001⁴, hierotopy as the making of sacred spaces is a special form of creativity, comparable to pictorial, literary, musical or other arts. It doesn’t describe the phenomenology of the sacred or mystical revelations. Instead, it concerns the aspect of human creativity dealing with spatial images and the environment for human communi-

¹ Hierotopy. The Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia / Ed. A. Lidov. Moscow, 2006.

² See the material from the symposium: Hierotopy. Studies in the Making of Sacred Spaces. The material from the international symposium. / Ed. A. Lidov. Moscow, 2004.

³ It has been realized by the Research Centre for Eastern Christian Culture since 1991. In the framework of this program the following international symposia took place and collections of articles were published: Jerusalem in Russian Culture / Ed. and comp. by A. Batalov and A. Lidov. Moscow, 1994 (in English: Jerusalem in Russian Culture / Ed. A. Batalov and A. Lidov. New York–Athens, 2005); Eastern Christian Church: Liturgy and Art / Ed. A. Lidov. St. Petersburg, 1994 (in Russian); The Miracle-Working Icon in Byzantium and Old Rus’ / Ed. A. Lidov. Moscow, 1994 (in Russian); Iconostasis: Origins-Development-Symbolism / Ed. A. Lidov. Moscow, 2000; Eastern Christian Relics / Ed. A. Lidov. Moscow, 2003.

⁴ Lidov A. Hierotopy. The Creation of Sacred Spaces as a Form of Creativity and Subject of Cultural History // Hierotopy. The Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia / Ed. A. Lidov. Moscow, 2006.

cation with the transcendental world. The study of the various historical projects from this viewpoint might form a new branch of cultural history. Previously, the absence of this notion and term prevented the scientific comprehension of a large layer of phenomena, which were only marginally touched by the history of art, archeology, anthropology and religious studies. Hierotopy has a special significance for art-historical studies because it concerns a form of artistic creativity. The architectural forms and various pictures, liturgical vessels and ritual gestures, dramaturgy of lightings and different kinds of incenses and fragrances, sounding words and memories of miracles and significant events which happened in a certain place are combined in this spatial imagery.

While the main focus of the first collection of “Hierotopy” was on Byzantine and Medieval Russia, the second one deals with comparative studies. Hierotopy is obviously not limited to Byzantine tradition. The history of religious cultures, including ancient and medieval traditions of different countries, were full of hierotopic projects which can be subject to comparative studies. In the present collection, an international group of researchers convincingly demonstrates that the concept of hierotopy relates to analyses of various historical phenomena, starting from Ancient Egypt and up to contemporary art, including the Russian literature of the nineteenth century.

Thus, the contributions by M. A. Chegodaev, L. I. Akimova, A. V. Podosinov and M. Barker are dedicated to ancient pre-Christian forms of the creation of sacred spaces, where obvious as well as unexpected aspects are found. Michael A. Chegodaev suggests that the ancient Egyptian sarcophagus was a kind of hierotopic project, in which the object and the space were inseparably linked, and all the images embodied an idea of the way to the Kingdom of the Dead. As the author emphasizes, the sacred hieroglyphic texts covering all the surface of sarcophagus played the key role in this spatial imagery.

Liudmila I. Akimova analyses an extremely important Ancient Greek rite of the Great Panathenaea, which transformed the city of Athens into an all-embracing sacred space. The whole population of the city took part in the creation of this most powerful milieu in one way or another. The festival was the initial source of the spiritual and artistic life, determining both the sacred topography and the material architecture of the city of Athens. One of the most interesting aspects of this paper is the interrelation between space and time, arranged according to some general centric and hierarchic structures. Akimova’s research builds a remarkable base for the future comparative studies in Ancient Greek and in medieval — Byzantine and Western European — hierotopies.

The study by Alexandr V. Podosinov also has a special importance for understanding of medieval hierotopy. The author analyses the clockwise and counter-clockwise movements in the ancient sacred space, which was closely connected to the funeral rites. He puts forward a sound hypothesis that the ancient paradigms became the base for the Christian liturgical rites, including the movement around the altar table and the church which often became a focal point of theological controversies.

A connection with the later Christian tradition can also be found in the contribution by Margaret Barker, who systematizes the symbolic meaning of fragrances and burning incenses in the Old Testament Temple. The analyzed sacred texts formed the basis for the centuries-old Christian cult practice, which considered fragrances as a crucial mean for the creation of the image of the divine presence in sacred milieu.

Several papers in this collection are united with the interest in Christian iconography, which can be reconsidered in hierotopic context as a reflection of spatial imagery. Jacquelyn Tuerk studies the magical amulets of the preiconoclastic period. She elucidates the most characteristic feature of the phenomenon: amulets destroy the conventional pictorial plan and act intensely in the space between the beholder, on the one hand, and the image on the magical object — on another. The author suggests that hierotopy is a psychological phenomenon dealing with a specific perception of spatial imagery. The study of magical amulets clarifies the function of early Byzantine icons which also served as a part of hierotopic projects.

In his paper, Alexei M. Lidov shows the limitations of iconographic approaches in study of spatial imagery and the need for new concepts. One of them, *image-paradigm*, refers to the visual image which does not imply a flat picture, but appears in the mind of a prepared observer as a kind of vision — a recognizable, but not formalized, iconic image. The paper considers one of the most important image-paradigm — that of the “blessed city” of Edessa, which appeared at the entrances to Christian sacred spaces and united the concepts of three major relics: the Mandyion image ‘not made by human hands’, Christ’s Letter to King Abgar and the Holy Gates.

The spatial aspects of Christian iconography are also considered in the piece by Thomas Dale, starting a methodological dialogue with the concept of “icons in space” offered in the classical work *Byzantine Mosaic Decoration* by O. Demus. Using the analyses of some thirteenth century mosaics from San Marco in Venice as an example, the author shows how the actual devotional practice of that period with its elaborate sequence of gestures and movements found a reflection in iconography. The same concerns the representations of the Venice official rites from the time when mosaics were made. So, we see a new sample of the reproduction of the actual “space in icons”. Interestingly, the invisible boundary between the Byzantine and the

West European traditions is broken here, in a move towards destroying the hierotopic models and a transformation of iconic images into illustrative narrations.

The article by T. Dale reminds us how important and fruitful the comparative studies of Byzantine and West European hierotopies can be. It concerns the gradual shaping of two conceptually different types of presentation and perception of spatial images. To put it simply, the dominating approach to the interpretation of spaces may be either iconic or narrative. The development of the Latin Medieval narrative approach gradually led to revision of the iconic spatial imagery and, finally, to loss of hierotopic values in the Modern Europe. This process is discussed by Michael N. Sokolov in his study of sacralization of aesthetical values in the culture of Renaissance and the following periods. The beauty was declared to be sacred, and the sacred itself was gradually removed from the spiritual and artistic realm. As a result, a 'pseudo-hierotopy' of a kind appeared, with its manifestations in secular festivals, demonstrations, theatrical performances and many other modern rites. The used archetypes and formal structures of old hierotopy was filled with different meanings and transformed into something completely opposite. It seems noteworthy that we all inherited the modern 'pseudo-hierotopy' from our education and the system of cultural values.

The actual historical process was obviously more complicated. The traditions of medieval modeling of sacred spaces were kept and developed in Europe as late as in seventeenth century. An eloquent example is discussed by Jane Garnett and Gervase Rosser, who analyze the formation of a sacred environment around an Italian miracle-working image.

An important aspect of comparative hierotopy is the study of methodological approaches in art history and anthropology as discussed by F. Pellizzi, P. R. Gamzatova and A. B. Moroz. Francesco Pellizzi argues that any hierotopy, as well as human culture in general, originates from the ancient cult of the dead. The author illustrates how some of the archaic paradigms were re-interpreted in the contemporary museum culture.

Patimat R. Gamzatova focused her attention on the role of Oriental, mainly Islamic, carpets in the creation of sacred spaces. A carpet was initially perceived as a model of the sacred world organized according to the rules of hierotopy. One of the most striking aspects of this paper is a role that the Oriental carpets played in the marking the especially sacred zones in Renaissance paintings.

Andrei B. Moroz discusses the interrelation of the 'sacred' and the 'horrible' in the folk culture. Basing on the field ethnological studies, the author demonstrates that, in the popular comprehension of the villages of the Russian North, the sacred places could be linked with the horrible places — the manifestations of the other world and a potential source of danger and de-

struction. In practice, the same location could often be perceived both as a sacred and as a horrible one.

The phenomena of Russian hierotopy are also analyzed in the articles by L. A. Beliaev, E. I. Kirichenko and K. Blank. Leonid A. Beliaev discusses the national traditions in Christian hierotopy. He chose as a focal subject in his study temporal sacred spaces which were created with ice architectural settings at the January festival of Epiphany. The matter concerns a specific Russian hierotopy which could not exist in other Orthodox countries, like Greece or Georgia, because of evident climatic reasons. For the reconstruction of this most important but almost non-registered in written sources Medieval practice of Epiphany rite some unusual sources were required, so the author used a story by Anton Chekhov which became, unexpectedly in hierotopic context, a significant historical document. In connection with Beliaev's topic one may notice that quite promising direction of the following studies in comparative hierotopy could be the analysis how sublime Byzantine models were adopted into regional and popular traditions of the creation of sacred spaces. As well as in the research of icon-paintings, the understanding of the metropolitan prototype gives a chance to reveal the most characteristic and historically significant local features.

Evgenia Kirichenko is focused on the topic of substantial unity of the Russian sacred space which found its reflection in common structures of spatial organization of the church and of the city. The author argues that Russian cities of Modern Times inherited the medieval spatial imagery which differed radically from Western European approaches to the church construction and the city planning. As Kirichenko demonstrates, some deep structural distinctions between two Christian traditions were reflected in other cultural forms, i.e. blessings with a sign of the cross which might be also explained by different perceptions of sacred space.

The approaches of comparative hierotopy can be applied not merely to studies of sacred topographies, monumental programs or single art objects, but as well as literary texts, in which writers are modeling with words their own, sometimes quite original, sacred spaces. An innovative approach in this sphere is presented by Ksana Blank who explores some ideas of hierotopy in her research of Dostoevsky and Tolstoy who created their sacred realms beyond the borders of the official Orthodox Church. It is significant that a new interest of the nineteenth century Russian culture to the modeling of sacred spaces could be noticed both in global neo-Byzantine programs of the Empire and in mystical searches of Russian philosophers, for example, in works by Vladimir Soloviev.

The concluding article of the present collection deals with the newest art. Nicoletta Isar applies hierotopic approaches in her studies of contemporary performances, video art and multi-media installations. It is noteworthy,

that attempts to create new sacred spaces gradually become one of the main trends of actual art; it gives us the right to speak about a kind of revelation of hierotopic creativity as a living form of artistic life.

Naturally, not all the topics of comparative hierotopy were touched in the present collection. The author of this text had a chance to write on the most perspective directions of the future comparative research⁵. It would be reasonable to set a question of different layers or levels existing in each sacred space. It is possible to reveal the archetype stratum — general for all the traditions. The archetype of Holy Mount, for instance, invariably performed in various cultures. It is fruitful to consider a problem of hierotopic groups as it was done for the families of languages. And further discussion of the problem of the Indo-European tradition in the creation of sacred spaces seems a rather perspective task. At least, the existence of such tradition allows us to understand repeating structure of the sacred space in Hindu temples and Christian churches which could not be explained through historical influences. No less significant seems the matter of religious models of the creation of sacred spaces. Islamic approach to sacred spaces differs considerably from Christian one, although in comparison to Buddhist or Shinto traditions there are obvious ‘Abrahamic’ traits which could be traced back to Judaism.

Studies of those and many other problems can be the task for the future. This collection of articles on comparative hierotopy does not pretend to any final conclusions. It is more likely the first step in revelation of a new field for studies in cultural history. But some results are evident just now. The articles of the present collection demonstrate soundly how the methodology of art history can be renewed by the hierotopic approach revealing new topics and important documents which slopped away from the attention of scholars before.

⁵ *Lidov A. Hierotopy. The Creation of Sacred Spaces*, p. 24.